

Гендерные аспекты советской культурной революции 1920–1930-х гг. среди курдов

А. О. Победоносцева-Кая

Роль женщин в курдских революционных движениях Сирии и Турции привлекла к себе значительное внимание в последние годы. Этот феномен – активно борющихся за социальное и национальное освобождение женщин курдского общества – имеет параллели в ранней советской истории и даже может быть с ней связан. Советское общество выстраивалось в процессе культурной революции, целью которой было преобразование самого мышления и культурных рамок в направлении социального освобождения угнетенных масс и национальной эмансипации этнических групп многонациональной бывшей Российской Империи. В этой связи советская политика развивала модерную национальную идентичность нерусских народов СССР. В контексте культурной революции и построения социализма женщины рассматривались как движущая сила первостепенного значения. Более того, в отсутствии многочисленного класса пролетариата в мусульманских обществах СССР они, по замечанию Грегори Массела, становились «суррогатным пролетариатом». Это переосмысление роли женщин в обществе требовало соответствующих мер в области массовой культуры и просвещения. Одним из инструментов распространения новых идей и практик стала визуальная пропаганда борьбы за новую жизнь в социалистическом государстве, прежде всего в советском Закавказье средствами разных жанров искусства: в живописи, скульптуре, кинематографе.

Ключевые слова: курды, езиды, Курдистан, Турция, СССР, культурная революция, национальное строительство, женский вопрос.

Для цитирования: Победоносцева-Кая А. О. Гендерные аспекты советской культурной революции 1920–1930 гг. среди курдов // История повседневности. – 2024. – № 3. – С. 66–86. DOI: 10.35231/25422375_2024_3_66. EDN: MBSOBS

Введение

Целый ряд недавних фильмов о роли женщин в вооруженных конфликтах («Вдалеке»¹, «Девушки Солнца»², «Красный змей / Сестры по оружию»³ и мн. др.) создали образ героини-курдянки, которая в составе боевых подразделений воюет с экстремистскими салафитскими группировками в Сирии или Ираке. Другим примером такой воинственной эмансипации является видеоклип⁴ курдской певицы Хелан Абдулла из Ирана. В клипе, съемки которого проходили вблизи расположения лагеря экстремистов⁵, обыгрывается милитаристская атрибутика. Начало этой тенденции к максимальному экспонированию роли женщин в курдском движении положили пропагандистские материалы Рабочей партии Курдистана (РКП) в 1980-х гг. В рядах этой партии действительно находилось немало женщин, но руководство оставалось в руках мужчин⁶. Впрочем, несмотря на традиционно консервативный характер курдского общества, в нем парадоксальным образом издавна присутствовали и воинственный образ курдской женщины.

Иными словами, традиции активного участия курдской женщины в революционных движениях – вероятно, более активного чем у большинства народов региона – сложились задолго до вышеперечисленных событий. Учитывая левую политическую ориентацию крупнейших курдских организаций и использование ими социалистических, в т. ч. советских идеологических материалов, советская эмансипация женщин, осуществлявшаяся как часть общей национальной политики СССР, не могла не повлиять на их позицию. Но советская политика в отношении курдов как одной из национальностей советского Закавказья представляла собой особенно сложный случай советской национальной политики в силу социально-

¹ Leyla Toprak (реж.). “Uzak mi?” (2015). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imdb.com/title/tt5468164> (дата обращения: 01.04.2024).

² Eva Husson (реж.). “Les filles du soleil” (2018). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imdb.com/title/tt6704880> (дата обращения: 01.04.2024).

³ Caroline Fourest (реж.). “Soeurs d’armes” (2019). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imdb.com/title/tt7858472> (дата обращения: 01.04.2024).

⁴ Helly Luv. “Revolution” (2015). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fLMtTQsiW6I> (дата обращения: 01.04.2024).

⁵ Crowcroft O. Iraq: Kurdish star Helen Abdulla shells Isis forces in her glossy music video. *IBTimes*. 2015.05.22. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ibtimes.co.uk/iraq-kurdish-star-helen-abdulla-shells-isis-forces-glossy-music-video-1502496> (дата обращения: 01.04.2024).

⁶ Как это видно в новостном сюжете из курдского лагеря в Ливане, см. Подготовка партизан в лагере курдов в Ливане. Зарубежные новостные сюжеты № 23 (1988). [Электронный ресурс]. URL: <https://fs.net-film.ru/fs16154.mp4> (дата обращения: 01.04.2024).

экономической и культурной маргинализации и смешанного проживания с другими этническими группами. Данная статья призвана частично закрыть этот пробел через анализ политики советских властей, направленных на решение женского вопроса среди курдского населения.

Курды и курдянки в контексте мирового революционного процесса

До того, как в СССР к концу 1920-х гг. утвердилась идея «социализма в одной стране», партийное руководство полагало, что большевизм не выживет в России в одиночку, а потому тесное взаимодействие с мировым революционным движением считалось решением этой проблемы. Одни большевистские лидеры считали, что революцию надо устраивать в развитых промышленных странах, другие, в частности члены Коммунистического интернационала (Коминтерн), утверждали, что революции могут быстрее разгореться в колониях, полуколониях и менее развитых странах, т. е. на Востоке, и затем распространятся на промышленно более развитые регионы. Поэтому действия большевиков на «собственном» Востоке, особенно в Центральной Азии, Кавказе и части Сибири, должны были быть тщательно подготовлены с целью максимального воздействия на общественность за пределами Советского государства [1, р. 70].

Исследователи отмечали роль работы с женщинами в рамках советской культурной революции [2], а женский вопрос рассматривался как ключевой для советской политики в ряде отдельных исследований [1; 3–7]. В литературе отмечено, что Коммунистическая партия выработала обширный набор методов для достижения якобы универсальной цели освобождения женщин [1, р. 77]. И эти методы разрабатывались в рамках общего стратегического видения революционного процесса. Изучая эту проблематику применительно к женщинам Центрально-Азиатского региона, Грегори Масселл сформировал концепцию «суррогатного пролетариата», т. е. категории, которая в мусульманских традиционных обществах воспринималась «низшей из низших», иначе говоря, изолированными, эксплуатируемыми, униженными и стесненными. Таким образом, мусульманские женщины стали представлять в советском политическом воображении струк-

турное слабое место в традиционном порядке: потенциально девиантный, а потому подрывной слой, восприимчивый к воинственному призыву [3, р. XXI–XXII].

Пробуждающиеся женские массы в восточных странах считались более восприимчивой к коммунистическим идеям частью общества. Опыт коммунистической пропаганды в советском Закавказье и в Туркестане в большинстве случаев должен был быть распространен и на остальные страны Востока, поскольку дело шло о мусульманских женщинах [8, с. 26]. Советские активисты 1920-х гг. полагали, что сопоставление положения трудящихся женщин СССР и советского Востока с положением женщин в капиталистических странах Запада и зарубежного Востока придаст агитации значительно более боевой характер [9; с. 24–25].

Пролетариат как движущая сила должен был тянуть за собой остальных. «Суррогатность» этого понятия исходит из отсутствия в Центральной Азии и Кавказе пролетариата в марксистском понимании, т. е. рабочих промышленных предприятий, на механизированных заводах. Не было их и у курдов Закавказья и Туркмении, которые являлись маргинальной группой. На первый взгляд, может показаться, что концепция Масселла к курдянкам была бы более применима, чем к остальным восточным женщинам, и уже в 1930 г. курдский писатель Араб Шамилов настаивал, что они были готовы пойти вперед при необходимости, и это *«значительно облегчает работу среди курдинок и вовлечение их в советское строительство»* [10, с. 88–89].

В этой статье предпринята попытка применить разработанные в основном на центральноазиатском материале концепции Нортропа и Масселла для анализа гендерных аспектов советской культурной революции и национальной политики в отношении курдов. Данный подход определяет выбор соответствующей методологии, основанной на анализе административных мер и визуальных агитматериалов. Соответствующие процессы и события были изучены на основе делопроизводственных источников, мемуаров и периодических изданий.

В частности, были рассмотрены публикации в периодических изданиях 1920–1930 гг., справочники и сборники документов по советской национальной политике и ее отдельных аспектах [11], мемуары и травелоги [12–18], исследования курдского общества [19–21], а также описания курдской жизни,

составленные самими курдами [10; 22–24]. Использование иллюстративных материалов второй половины XIX в., включенных в Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации (ГОСКАТАЛОГ.РФ), позволило дополнить исследование анализом визуальных аспектов изменения роли курдянки, а изучение соответствующих кинокартин раннесоветской и современной эпох дало возможность отследить эволюцию образа курдской женщины в искусстве и общественном мнении.

**«Так же хороша, как мужчина, или даже лучше!»:
культуры, нации, женщины**

Любая работа советских и партийных органов с курдским населением осложнялась тем, что курды были разделены не только государственными границами СССР, но и границами союзных республик СССР, а также племенными, языковыми и религиозными отличиями. Основная часть курдского населения проживает на Ближнем Востоке – в современных Турции, Ираке, Иране и Сирии. Но в то время на территории СССР проживала, пожалуй, более значительная часть курдов мира, нежели сейчас на территории бывшего СССР. Во-первых, заметное курдское население присутствовало практически по всему Южному Кавказу (или Закавказью) – в Армении, Азербайджане и Грузии, а также в Центральной Азии (в Туркмении). Курды, а также причисляемые к этому этносу езиды, были автохтонным населением Кавказа, поскольку населяли его – пусть и с территориальными передвижениями – на протяжении долгого времени. Согласно статистическим данным, численность курдов в СССР составляла 69 123 чел. на момент переписи 1926 г. [25], большая часть которых проживала в ЗСФСР.

В 1920-х гг. в рамках советской национальной политики для многочисленных народов, проживавших на территории Советского Союза, были созданы административно-территориальные единицы различной величины и степени автономности. Курдам в 1923 г. достался небольшой горный район под названием Курдистанский уезд, располагавшийся между азербайджанским Нагорным Карабахом и Арменией. В 1929–1930 гг. на его основе был создан Курдистанский округ, но он был упразднен в ходе очередной административной реформы, что лишило курдов ряда институциональных возможностей.

Несмотря на вышеперечисленные трудности, в случае курдов, советские власти могли рассчитывать на большой успех продвигаемых ими мер ускоренной эмансипации, в частности через опору на женщин. Так как большинство свидетельств, касающихся социального облика и быта курдского общества до 1917 г., характеризует курдских женщин как наиболее эмансипированных, по сравнению с женщинами соседних народностей, отмечая в первую очередь, что *«женщин курдских держат не так строго, как турецких и арабских»* [12, с. 142]. Различные эксперты и путешественники, в т. ч. советские, отмечали, что и в традиционном курдском обществе курдянка не носила покрывала [16, с. 119; 19, с. 40], ей была доступна торговля и она могли присутствовать на собраниях, принимать гостей [14, с. 8; 15, с. 63; 16, с. 119; 22, с. 15]. О самостоятельности курдской женщины писала в своих мемуарах Агата Кристи, оказавшаяся в северной Сирии в 1930-х гг. после распада Османской империи: *«Курдская женщина не сомневается, что она так же хороша, как мужчина, или даже лучше!»* [18, р. 70].

Особое положение курдской женщины соответствовало общественной структуре кочевых народов [23, с. 220–221], женщины которых всегда пользовались большей свободой, нежели у соседних оседлых. Советский курдовед Олег Вильчевский отмечал, что условия развития высокогорных форм скотоводства привели к уменьшению оснований для укрепления в семье и обществе господства мужчин и для принижения роли женщины. Женский труд был наиболее востребован при разведении мелкого рогатого скота, чем при разведении крупного, в частности при коневодстве. Другой причиной к повышению роли женщин стало то, что горным скотоводческим племенам чаще приходилось обороняться и защищать свое имущество, поэтому все способное к обороне взрослое население племени, включая и женщин, входило в состав ополчений. Патриархальные отношения получили распространение в Курдистане, выдвинув в семье и обществе на первое место мужчину, тем не менее авторитет женщин сохранился в курдской среде и по сей день [19, с. 40].

В истории прославились некоторые воинственные курдские женщины [17, р. 57], которые хорошо владели оружием и ездили верхом, как мужчина [16, с. 119]. В каждом племени находились девушки, имевшие большую привязанность *«к ору-*

жизню и дракам, чем к прялке и домашним работам» и называемые «дели-кыз» [13, с. 57]. Олицетворением воинственности стали две курдянки, вошедшие в историю под именем Кара Фатма.

Первая – Кара Фатима Ханум (тур. Kara Fatma, курд. Fatmaşer), которая лично командовала курдским отрядом, по мнению одних исследователей, во время Крымской войны [13, с. 56–57; 24, с. 24], а по мнению других, в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. [26, с. 67]. Вторая – Кара Фатма (Fatma Seher) [27, с. 39], воевавшая на стороне кемалистов в освободительной войне против западных держав в 1919–1922 гг.

Эти особенности гендерных отношений в курдском обществе – пусть и с минимальной концептуализацией, а скорее, в рабочем порядке – но все же учитывались советскими экспертами и властями в ходе проведения марксистской «культурной революции». Понятие «культурная революция» включало в себя ряд мер, которые были предприняты для преобразования мышления как того требовала идеология нового, советского общества. Основными направлениями культурной революции стали ликвидация безграмотности населения, создание прослойки интеллигенции среди крестьян и рабочих, образ которых теперь присутствовал в большей части литературных произведений, повествующих о периоде революции, социалистическом строе и патриотизме. Все это должно было привести к мобилизации масс, повысить их политический и культурный уровень и подготовить необходимые для страны с новой идеологией кадры.

Вместе с культурным вопросом необходимо было решить вопрос национальный, так как в наследство от Российской империи большевикам досталась страна, населенная множеством национальностей, из которых предстояло также сформировать нового советского человека, минуя, а то и изменив, традиционные устои. Мартин отмечал максимальную поддержку Советским государством тех форм национального устройства, которые не входят в противоречие с существованием унитарного централизованного государства, т. е. следующих четырех «форм» существования наций: национальных территорий, языков, элит и культур [28, с. 22]. Одним из элементов национального строительства в 1920-х гг. было формирование у восточных и южных нацменьшинств новой национальной идентичности путем активной пропаганды древнего наследия этих народов, а также

трактовка их религиозных традиций как неотъемлемой части их национальной идентичности [29, с. 241]. Все это выстраивалось в тезис И. В. Сталина о национальных культурах *«социалистических по содержанию, национальных по форме»* [30, с. 9].

Описанная Мартином политика «позитивной дискриминации», достраивания современной идентичности и автономной политической мобилизации этнических групп СССР осуществлялась особенно активно в 1920-х гг. Следует отметить, что и проект «раскрепощения женщины Востока» активно осуществлялся в период до 1930-х гг., после чего было заявлено, что гендерное и национальное равенство в стране уже наступило [6, с. 182].

В проведении культурной революции и социалистическом строительстве женщины рассматривались как значительный кадровый резерв. Поэтому предполагалось переосмыслить роли женщин в обществе и особенно подчеркивалась наиболее угнетенная категория женщин СССР – «женщин Востока». Термин «восточная» использовался по отношению ко всем азиатским женщинам СССР, в том числе живущим в Сибири и на Кавказе, а также в Центральной Азии. Этому способствовало участие в разработке и проведении соответствующей государственной политики экспертов-востоковедов, которые в 1920-х и 1930-х гг. все еще оперировали такими общими категориями. В то же время советское востоковедение пыталось отойти от практики использования терминов и концепций западного ориентализма и все больше дифференцировало различные восточные этнические группы и их образ жизни.

Ассоциация востоковедов при ЦИК СССР в то время особо подчеркивала работу, проводимую ею *«по изучению быта женщин восточных народностей»* и планируемых совместных проектах, привлекая *«лучшие востоковедческие силы нашего Союза»* [7, с. 55]. Опубликованная по заданию Отдела работниц и крестьянок ЦК ВКП(б) силами Ассоциации Востоковедения [31, с. 151] в 1927–1928 гг. серия брошюр «Труженица Востока» отражала не только представления ее составителей о «женщине Востока», но и преследовала цель пробудить интерес *«к политическим вопросам в еще индифферентных женских массах»* [32, с. 37]. Предполагалось, что пример советских восточных республик играл не последнюю роль в формировании революционного настроения и на зарубежном Востоке [33, с. 79].

Образ Востока в этих брошюрах был унаследован со времен Российской империи, определившей Восток как зарубежный и «свой»: т. е. такие регионы, как Кавказ, Туркестан, Западная и Восточная Сибирь и Поволжье. Подготовленные в соответствии с этими представлениями более двух десятков брошюр серии «Труженица Востока» рассказывали об отдельных национальностях Закавказья («Азербайджанка», «Армянка», «Грузинка», «Курдская женщина»), Северного Кавказа, Центральной Азии, Урала и Поволжья, Предуралья, Сибири и Дальнего Востока, а также о некоторых народах зарубежного Востока. Такой выбор был обусловлен в первую очередь внешнеполитическими задачами, а образ женщины Востока в публикациях, касающихся женского освобождения, был перегружен элементами экзотизации и постоянными упоминаниями ее «отсталости» [7, с. 49].

Чрезвычайный дефицит литературы для женщин на языках национальных меньшинств и языках Советского Востока был очевиден для советских властей. Помимо выделения средств для издания литературы на нерусских языках, в случае отсутствия подходящих местных авторов ввиду «*повальной неграмотности на Советском Востоке*» [34, с. 14], с русского переводились существующие издания соответствующей тематики. Так, упомянутая выше брошюра «Курдская женщина» [35] через год после издания была переведена на азербайджанский язык [36], что было связано с существованием в пределах Азербайджанской ССР Курдистанского уезда с населением, говорящем на курдском и азербайджанском языках.

Малочисленные национальные меньшинства в СССР зачастую фактически закреплялись за той или иной советской республикой, в рамках которой они и получали институты современной культуры и элементы собственной администрации. В ходе межреспубликанской политической борьбы, Армения активно работала над тем, чтобы фактически взять на себя вопросы, касающиеся советской курдской политики. Эта борьба нашла свое отражение в кинематографе 1920–1930-х гг.: основные картины о курдах – фильмы «Заре» (1926) и «Курды-езиды» (1932) – были сняты в Армении, и единственным исключением стала 5-минутная кинозаметка «В Курдистане» (1938) на азербайджанском и русском языках в выпуске № 7 Хроники Бакинской киностудии.

Визуальная пропаганда была мощным инструментом распространения новых идей и практик. Плакаты, текстиль и другие объекты советской материальной культуры с их яркими визуальными образами и печатными призывами агитировали мужчин и женщин бороться за новую счастливую жизнь в социалистическом государстве. Поэтому перекликающиеся сюжеты фильмов «Заре» и «Курды-езиды» можно рассматривать в контексте участия курдянок, как и других женщин Советского Востока, в глобальном проекте по созданию «нового человека» с использованием разных средств пропаганды. Но так как курдское общество не было готово предоставить актеров и тем более актрис для этих лент, и курдов, и курдянок правдоподобно играли армянские кадры.

Каждый из фильмов решал эту задачу по-своему. В «Заре» главная героиня бросает вызов традиционному обществу и сама решает свою судьбу, отказываясь от навязанного ей брака. Фильм имел значение в качестве превентивной меры по предотвращению бытовых преступлений, самый высокий процент которых на 1928 г. составляли браки с несовершеннолетними и похищение женщины, наиболее распространенные среди тюркского и курдского населения Армении [11, с. 71–72].

Что касается картины «Курды-езиды», то фильм стал наглядной демонстрацией гендерной составляющей культурной революции к окончанию первой пятилетки, поскольку он подчеркивал вовлечение восточной женщины в социалистическое строительство. В фильме приезжая учительница противостоит духовному лидеру деревни в вопросе получения образования, которое шейх считает греховным. Накануне выхода фильма на I съезде женского актива нацменьшинств Армянской ССР сообщалось, что хотя в Армении почти не встречались старые судебные формы, мелкие гражданские дела все же решались шейхами курдов-езидов [11, с. 71–72]. Что касается образования, то, несмотря на то что к началу 1932 г. были сделаны крупные достижения в области создания курдской культуры, включая новый алфавит, литературу и школы, преподавательских кадров в школьной сети курдских селений Абаранского района не хватало [11, с. 312–313]. И все же в Армении с образованием среди курдов обстояло лучше, чем в Курдистанском уезде Азербайджана, где до 1924 г. не было массового вовлечения в образовательный процесс учениц-курдянок [52, с. 4].

Результаты работы советских органов с курдским населением в целом были довольно успешными, учитывая серьезную проблему отказа от участия в общих собраниях в некоторых уездах на Кавказе, причем этот отказ мог исходить и от женщин, и от мужчин, несмотря на организацию специальных женских помещений или отдельных собраний. Тем не менее, участие крестьянок в съездах в Курдистанском уезде Азербайджана составляло почти 50 %, что объяснялось как стихийным процессом, так и активностью кочевого населения [37, с. 74]. Впрочем, для работы среди женщин там были выделены ограниченные средства: работала лишь одна юрта, которая охватила 19 пунктов и в течение двух месяцев провела 32 собрания с докладами на темы: «Соввласть и женщина Востока», «Сельское хозяйство и роль крестьянки в нем», «О гигиене» и т. д. [11, с. 302]. Безусловно, при этом советское гендерное строительство подчеркивало роль женщины и как матери, и как работницы [2, р. 31], и определяя женщину-работницу угнетенной «двояко» [55, с. 4].

В Армении явка курдянок на отчетные собрания в Абаранском районе доходила до 80 %, а в Кварельском – до 90 % [38, с. 69–70]. Позднее на предвыборных собраниях курдянки выдвигались кандидатами в депутаты, например, в 1938 г. доярка колхоза Спо Шавоевна Надоян была выдвинута от Алагезского избирательного округа [39]. Голоса курдянок звучали на встречах с партийными лидерами, например работница консервного завода Джаваир Сукиасян на встрече с А. Микояном в 1937 г. подчеркивала роль Советской Армении в деле соцстроительства среди курдов [53, с. 3]. Некоторые курдянки Армении были отмечены и в агитационных материалах как выдающиеся труженицы Армении¹. Примером для подражания была Нуре Полатова, сестра революционера курдского происхождения Федора Лыткина, известного как Ферик Полатбеков. Полатова еще в 1920-х гг. возглавляла детский дом в Аштараке для осиротевших детей курдов-езидов и в последующие годы как инструктор женотдела КП (б) Армении ездила на курдские кочевья на склонах Арагаца [43, с. 51], приложив значительные усилия для эмансипации женщин [51, р. 16].

Хотя традиционный уклад жизни курдского населения и создавал некоторые благоприятные предпосылки для работы со-

¹ Негатив на стеклянном носителе. Доярка-стахановка Халима Османова за работой. Курды. [Электронный ресурс]. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=15172417> (дата обращения: 01.04.2024).

ветских властей с курдами, в целом этой работе не способствовал. Примером является сохранение экономического базиса в жизни курдского населения, проживавшего вдали от индустриальных центров и даже путей сообщения. Результатом стало сохранение среди курдянок, как и прочих женщин «Советского Востока», кустарных промыслов как основного вида занятий (ковровое, суконное, шелковое, бурочное, ювелирно-художественное и другие виды производства). Впрочем, советские органы считали нужным учитывать не только экономические, но и политические аспекты этой занятости, а также использовать соответствующую возможность для развития кооперации и работы среди «восточных» женщин [40, с. 75–76].

Сохранение традиций среди курдского населения, несмотря на советскую политику ускоренной социалистической модернизации, отмечалось и в тогдашних публикациях и даже культурных продуктах. Примером является образ освобожденной курдской женщины Советского Кавказа в скульптурных произведениях из Аджарии, на которых она представлена «в юбке и шароварах, в язне», т. е. «в чадре из множества мелких лоскутков» [41, с. 150–153]. То же касается и ряда произведений российского и советского художника Александра Шевченко (1883–1948), который создал ряд произведений на восточные темы, в том числе курдские: «Прачка-курдянка» (1925); «Девушка-курдянка» (1931); «Курдянки» (1932–1934), по мотивам своих путешествий по Азербайджану и Грузии в 1920–1930-х гг. [42, с. 125, 186–187, 197]. Посещавшие Закавказье исследователи отмечали, что женский наряд у курдов «сохранился в полной неприкосновенности» [54, с. 13].

Проблемы с реализацией соответствующих мер советской национальной политики в отношении курдянок можно оценить по очень скромным результатам попыток предоставить им возможность получения высшего образования. Важную роль в этом играли Курсы нацмен Советского Востока (КНСВ), которые проработали с 1932 по 1936 гг. для обеспечения ускоренной подготовки кадров для национальных меньшинств, не имевших своей государственности внутри СССР (т. е. республики или области) или за рубежом. На КНСВ прошли обучение не менее 84 советских курда, но среди них было только четыре девушки. Эти цифры выглядят весьма внушительным достижением, учитывая относительно небольшое курдское население

ние СССР. Но о сколько-нибудь его полном охвате, принимая во внимание фрагментированное расселение курдов в Армении, Азербайджане, Туркменистане и Грузии, говорить не приходится – скорее есть признаки кумовства. Как минимум 20 курдов из числа курдских учащихся в Ленинграде были родом из Карсской области (входившей до 1918 г. в состав Российской империи), которым, по видимости, на КНСВ помог оказаться Араб Шамилов – потомственный езидский шейх и инструктор ЦК Компартии Армении по работе среди курдов Армении [43, с. 49]. После переезда в Ленинград Шамилов стал первым заведующим кафедры национальных языков КНСВ [44, л. 8].

Подготовка на КНСВ предусматривала две программы: десятимесячные колхозные курсы и четырехлетний курс на педагогическом отделении. И даже принятые на обучение немногочисленные курдянки сталкивались с огромными сложностями, оставаясь порой фактически без действительной помощи вдали от дома. Показательным примером является Мария Чатоева (1912 г. р.), которая обозначала себя как «езди», т. е. езидка, из Карса [45, л. 11] и была принята на педагогическое отделение. За время своего обучения в 1931–1934 гг. она подавала заявление на отпуск как минимум дважды: по уходу за своим новорожденным ребенком [45, л. 9] и по состоянию здоровья – когда до окончания курса оставалось чуть более года, заболела туберкулезом легких, которым страдали многие курсанты. Из-за этого Чатоева была вынуждена взять годичный отпуск [45, л. 6], из которого она на КНСВ так и не вернулась, а впоследствии была отчислена [45, л. 3].

Не многим легче было остальным девушкам, зачисленным только на краткосрочный колхозный курс. Мариам Сароян (1911 г. р.) – еще одна езидка из Ленинакана [46, л. 29], которая проходила обучение в 1933–1934 гг. и была обвинена в недостойном поведении и сокрытии социального положения и своего имени – Гаваз Озман, дочери бека Омар Ага Озмана [46, л. 6, 12]. Сароян была оправдана, но от обвинений и даже травли сокурсников-курдов и односельчан ее уберегло заступничество Шамилова [46, л. 5, 18, 23].

Иные проблемы были у другой курдянки, Куде Надировой (1917 г. р.) [47, л. 6, 14] – она, судя по всему, также была езидкой, как большинство ее односельчан из села Джарджарис в Абаран-

ском районе ССР Армении. Пример Надировой особенно ярко показывает стремление курдянок к образованию. Она приехала на курсы уже после окончания приема документов, но даже нехватка курдских кадров, особенно женщин, не заставила администрацию помочь ей. В результате девушка была вынуждена подрабатывать официанткой в столовой КНСВ, пока не подойдет срок очередного приема. Тем не менее, она выдержала эти испытания и обучалась на КНСВ в 1934–35 гг. [47, л. 9–10].

Как и в случае многих других советских проектов того времени, с формальной точки зрения планы обучения курдов на курсах выглядели гораздо лучше, чем их практическая реализация. Это особенно заметно по разверстке мест для поступающих на курсы в 1933/34 [48, л. 97–98] и 1935/36 [49, л. 2, 2 об.] уч. гг., согласно которой курдам из Грузии было предоставлено соответственно 5 и 6 мест, из Армении – 7 и 9, из Азербайджана – 5 и 3. Но эти пропорции не выдерживались – в основном приезжали курды из Армении, которые оказывались к тому же езидами, что означало неохваченность этими мероприятиями большей части советских курдов. Эти диспропорции особенно заметны по девушкам – единственной курдянкой-мусульманкой была Телли Шамоева (1914 г. р.) родом из грузинского Ахалкилаки, но прибывшая по разверстке из Гянджи (Азербайджан) [50, л. 6]. Она успешно отучилась на советском отделении КНСВ в 1934–35 гг. [50, л. 1].

Дальнейшая судьба этих курсисток неизвестна, но проблема получения курдянками высшего образования и ученых степеней осталась и, судя по всему, была решена только после войны. В частности, первые курдянки-ученые смогли окончить аспирантуру только к концу 1960-х гг.: в 1965 г. кандидатскую диссертацию защитила будущий курдовед-лингвист и профессор Зара Алиевна Юсупова (1934–2022)¹, в 1967 г. кандидатом биологических наук стала Алоева Люся Мамедовна (1928–2011)², а в 1972 г. кандидатом исторических наук становится будущий курдовед-этнограф Пашаева Ламара Борисовна (1940–2015)³.

¹ Заре Алиевна Юсупова. *Институт восточных рукописей РАН*. [Электронный ресурс]. URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_personalities&Itemid=74&person=49 (дата обращения: 01.04.2024).

² Алоева Люся Мамедовна. *Духовный совет езидов Грузии*. 2020.07.28 [Электронный ресурс]. URL: <http://yezidi.ge/home.php?cat=2&sub=4&id=228&mode=blog&lang=ru> (дата обращения: 01.04.2024).

³ Скончалась одна из выдающихся езидских ученых Ламара Пашаева. *ĒzidiPress*, 2015.08.12. [Электронный ресурс]. <https://www.ezidipress.com/ru/2015/08/12/скончалась-одна-из-выдающихся-езидск> (дата обращения: 01.04.2024).

Обсуждение и выводы

На первый взгляд, результаты советской культурной революции среди курдов в той ее части, которая касалась гендерных аспектов, крайне противоречивы. С одной стороны, мы видим некоторые несомненные результаты в эмансипации курдянок в виде их большего участия в общественной жизни, но с другой стороны, они так и не получили серьезного доступа к реальной власти и влиянию даже на местном уровне. Одновременно ставка на женщин вроде бы не привела к заметной революционизации Востока – не была ли концепция «суррогатного пролетариата» действительно искусственной и оторванной от жизни теорией?

Но такой скоропалительный вывод недопустимо упрощал бы ситуацию. Во-первых, советская национальная политика ускоренной социалистической модернизации через разноуровневое национальное строительство и развитие даже малочисленных этнических групп носила кратковременный характер, поскольку продолжалась в целом не более десяти лет. В случае курдов их автономия не просуществовала и трех лет, но и в целом уже во второй половине 1930-х в связи с угрозой войны и нехваткой ресурсов в СССР происходит свертывание большинства программ позитивной дискриминации миноритарных этнических групп ниже уровня титульных наций союзных и автономных республик. Во-вторых, эта политика началась в условиях очень низкого уровня подготовки государственных органов, минимальной экспертной базы, крайнего дефицита квалифицированных кадров буквально по всем вопросам, что обусловило непродуманность, непоследовательность и хаотичность в ее реализации.

Советская практика вовлечения курдянок в общественную и политическую деятельность была лишь частным примером применения стандартизированной советской политики того времени. Подобное советская власть пыталась сделать в отношении, пожалуй, всех советских народов. Тем не менее, есть основания говорить, что советские подходы и методы оказали на курдов СССР и их соплеменников за рубежом больше влияния, чем на другие этнические группы. Эмансипация женщин стала важной движущей силой национальной и социальной эмансипации курдского общества и остается ею до сих пор – примеры тому мы привели в начале статьи.

Механизм перетекания советских подходов в целом понятен. Курдские активисты и эксперты-курдоведы, вовлеченные в советскую курдскую политику, сыграли видную роль в организации курдского политического движения на Ближнем Востоке. Примерами могут служить Олег Вильчевский, Канат Курдоев, Саманд Сиабандов – о роли которых в распространении советских концепций среди ближневосточных курдских организаций свидетельствовали даже ведущие курдские политики вроде Джалала Талабани. Что же касается особой практики РПК в отношении политической мобилизации женщин, то есть оснований и здесь говорить о влиянии ранней советской практики, хотя это влияние, вероятно, имело место через промежуточную стадию китайского маоизма. И ставка марксистской РПК на женщин – как самую угнетенную группу угнетенной курдской нации – пресловутый «суррогатный пролетариат», позволила этой партии развернуть беспрецедентное повстанческое движение в Турции, Сирии, Ираке и Иране – хотя марксистская РПК, как и советская власть до того, так и не сумела добиться своих главных политических целей в виде революционизации курдов и соседних народов региона.

Список литературы

1. Northrop D. T. *Veiled Empire. Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Cornell University Press, 2003. 392 p.
2. Hoffmann D. L. *Cultivating the Masses. Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939*. Cornell University Press, 2011. 327 p.
3. Massell G. J. *The Surrogate Proletariat. Moslem Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919–1929*. Center for International Studies, Princeton University, 2015. 492 p.
4. Голдман В. З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.). М.: РОССПЭН, 2010. 358 с.
5. Пальванова Б. П. Эмансипация мусульманки: Опыт раскрепощения женщины Советского Востока. М.: Наука, 1982. 304 с.
6. Шурко Т. «Женщина Востока»: советский гендерный порядок в Центральной Азии между колонизацией и эмансипацией // Понятия о советском в Центральной Азии: Альманах Штаба № 2: Центральноазиатское художественно-теоретическое издание / сост. и ред. Г. Мамедов, О. Шаталова. – Бишкек: Штаб-Press, 2016. – С. 178–209.
7. Градскова Ю. В. «Раскрепощение националки» – социально-культурная политика советской власти в отношении женщин этнических меньшинств (на примере Волго-Уральского региона в 1920-е годы) // Журнал исследований социальной политики. – 2011. – № 9 (1). – С. 45–58.
8. Трудящиеся женщины стран Востока. (Доклад т. Каспаровой на IV съезде Коммунистического Интернационала) // Коммунистка. – 1923. – № 1–2. – С. 25–26.
9. Каспарова В. 8-е марта в странах зарубежного Востока // Коммунистка. – 1926. – № 2. – С. 22–27.
10. Шамилов А. Курды Закавказья // Революция и культура. – 1930. – № 15–16. – С. 86–89.

11. Великий Октябрь и раскрепощение женщин Северного Кавказа и Закавказья (1917–1936): сб. документов и материалов. М.: Мысль, 1979. 350 с.
12. Эйриэ Ж. Б. Живописное путешествие по Азии. Т. 6. М.: Типография Н. Степанова, 1840.
13. Елисеев А. Положение женщины на Востоке // Северный вестник. – 1888. – № 8 (август). – С. 49–88.
14. Чурсин Г. Ф. Азербайджанские курды // Известия Кавказского Историко-Археологического Института. 1925. – Т. III. – С. 1–6.
15. Турова-Морозова Л. Поездка в Армению и Курдистан летом 1927 г. // Земледелие. – 1929. – Т. XXXI. – Вып. I. – С. 55–68.
16. Пчелина Е. По Курдистанскому уезду Азербайджана // Советская этнография. – 1932. – № 4. – С. 108–121.
17. Halle F. W. Women in the Soviet East. London: Martin Secker & Warburg Ltd., 1938. 363 p.
18. Mallowan A. Ch. Come, Tell Me How You Live: An Archaeological Memoir. Bantam Books, 2019. 207 p.
19. Вильчевский О. Л. Курды: введение в этническую историю курдского народа. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1961. 164 с.
20. Bruinessen M. van. From Adela Khanun to Leyla Zana: Women as Political Leaders in Kurdish History / Women of a Non-State Nation: The Kurds. Ed. by Shahrzad Mojab. – California: Mazda Publishers, 2001. – P. 95–112.
21. Gunter M. Out of Nowhere: The Kurds of Syria in Peace and War. Hurst. C. Hurst & Co, 2014. 169 p.
22. Баязиди М. Нравы и обычаи курдов. М: Издательство восточной литературы, 1963. 202 с.
23. Авдал А. Быт курдов Закавказья. Ереван: АН Армянской ССР, 1957. 247 с.
24. Ваурак М. Osmanlı'da Kürt Kadını. Ankara: Özge Yayınları, 2007. 240 s.
25. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки / изд. ЦСУ Союза ССР. М., 1927–1929. 10 т. В надзаг.: Центр. статист. упр. СССР. Отд. Переписи. Вып. 4: Народность и родной язык населения СССР. 1928. XXIX. 138 с.
26. Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре с планами. Сост. Подполковник Томкеев. Т. II. СПб, 1904. 724 с.
27. Tansel A. T. Kurtuluş Savaş'ında Kadın Askerlerimiz. Cumhuriyet, 2001. 112 s.
28. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.
29. Тольц В. «Собственный Восток России». Политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.
30. Сталин И. В. О национальном вопросе и национальной культуре // Культура и письменность Востока. – 1931. – Кн. 7–8. – С. 5–13.
31. Черняева Н. А. Воображая Советский Восток: нарративы популярной этнографии в серии брошюр «Труженица Востока», 1927–1929 // Этнография. – 2022. – № 3 (17). – С. 149–178. EBN: RSSUYC
32. Штурм Г. Ближайшие задачи Международного Женского Секретариата Коминтерна // Коммунистка. – 1924. – № 11. – С. 36–39.
33. Нюрина Ф. В Средней Азии // Коммунистка. – 1925. – № 4. – С. 78–83.
34. Гопнер С. Ко “дню печати” // Коммунистка. – 1926. – № 4. – С. 10–15.
35. Смирнов Н. А. Курдская женщина. М.: Охрана материнства и младенчества НКЗ, 1927. 48 с.
36. Smirnov N. A. Qurd Kadını. Bakı, Azərneşr, 1928. 42 p.
37. Шавердова С. Труженица Закавказья на перевыборах в советы // Коммунистка. – 1926. – № 12. – С. 74–79.
38. Тодрия С. Выборы советов в Закавказье // Революция и национальности. – 1935. – № 2. – С. 69–70.
39. Советская Сибирь. – 1938. – № 105 (5537).
40. Сейфи М. На помощь женским промыслам на Востоке // Коммунистка. – 1925. – № 9. – С. 75–79.

41. Столпникова М. И. Торжество плодородия в свободной Адджарии // Искусство. – 1934. – № 6. – С. 150–153.
42. Шевченко А. В. Сборник материалов. М.: Советский художник, 1980. 282 с.
43. Чагоев Х. М. Курды Советской Армении: исторический очерк, 1920–1940. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1965. 152 с.
44. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 4363. Оп. 1. Д. 973.
45. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 556.
46. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 464.
47. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 372.
48. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 1005.
49. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 1053.
50. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 587.
51. Konak İ. Ferik Polatbekov. Hayati ve Şiirleri. İstanbul: Aram yayınları, 2024. – 75 s.
52. Заря Востока. – 1924. – № 555.
53. Заря Востока. – 1937. – № 282.
54. Шукин П., Шукина А. Очерки Армянского нагорья // Землеведение. – 1927. – № 29. – Вып. 1–2. – С. 5–51.
55. Бит-Саргиза. Ассирийская женщина // Заря Востока. 1924. № 522. С. 4.

Gender Aspects of the Soviet Cultural Revolution of 1920–1930 Among Kurds

Angelika O. Pobedonostseva-Kaya

The role of women in the Kurdish revolutionary movements of Syria and Turkey has attracted considerable attention in recent years. This phenomenon of women actively fighting for the social and national liberation of Kurdish society has parallels in early Soviet history. Soviet society was built in the process of cultural revolution, the purpose of which was to transform the very thinking and cultural framework in the direction of social liberation of the oppressed masses and national emancipation of ethnic groups of the multinational former Russian Empire. In this regard, Soviet policy developed a modern national identity for the non-Russian peoples of the USSR. In the context of the Cultural Revolution and the construction of socialism, women were seen as a driving force of paramount importance. In the absence of a large proletarian class in the Muslim societies of the USSR, they became a “surrogate proletariat” and this rethinking of the role of women in society required appropriate measures in the field of mass culture and education. One of the tools for disseminating new ideas and practices was visual propaganda of the struggle for a new life in a socialist state, primarily in Soviet Transcaucasia, by means of various art genres: painting, sculpture, cinema.

Key words: Kurds, Yezidis, Kurdistan, Turkey, USSR, cultural revolution, nation-building, women issue.

For citation: Pobedonostseva-Kaya, A. O. (2024) Gendernyye aspekty sovetskoy kul'turnoy revolyutsii 1920–1930 gg. sredi kurdiv [Gender Aspects of the Soviet Cultural Revolution of 1920–1930 Among Kurds]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 66–86. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2024_3_66. EDN: MBSOBS

References

1. Northrop, D. T. (2003) *Veiled Empire. Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Cornell University Press.
2. Hoffmann, D. L. (2011) *Cultivating the Masses. Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939*. Cornell University Press.
3. Massell, G. J. (2015) *The Surrogate Proletariat. Moslem Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919–1929*. Center for International Studies, Princeton University.
4. Goldman, W. Z. (2010) *Zhenshchiny u prokhnodnoi. Gendernye otnosheniya v sovetskoi industrii (1917–1937 gg.)* [Women at the Gate. Gender Relations in Soviet Industry (1917–1937)]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
5. Palvanova, B. P. (1982) *Emansipatsiya musul'manki: Opyt raskreposhcheniya zhenshchiny Sovetskogo Vostoka* [Emancipation of the Muslim Woman: Experience of the Emancipation of Women in the Soviet East]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Schurko, T. (2016) «Zhenshchina Vostoka»: sovetskiy gendernyy poryadok v Tsentral'noy Azii mezhdu kolonizatsiyey i emansipatsiyey [“Woman of the East”: Soviet gender order in Central Asia between colonization and emancipation]. *Ponyatiya o sovetskom v Tsentral'noy Azii: Al'manakh Shtaba № 2* [Concepts of the Soviet in Central Asia: Almanac of Shtab No. 2]. Ed. by Mamedov G., Shatalova O. Bishkek: Shtab-Press. Pp. 178–209 (In Russ.)
7. Gradszkova, Yu. V. (2011) «Raskreposhcheniye natsionalki» – sotsial'no-kul'turnaya politika sovetskoy vlasti v otnoshenii zhenshchin etnicheskikh men'shinstv (na primere Volgo-Ural'skogo regiona v 1920-ye gody) [“Emancipation of the national women” – the socio-cultural policy of the Soviet government towards women of ethnic minorities (using the example of the Volga-Ural region in the 1920s)]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. No. 9 (1). Pp. 45–58. (In Russ.)
8. Kasparova (1923) *Trudyashchiyesya zhenshchiny stran Vostoka (Doklad t. Kasparovoï na IV s'yezde Kommunisticheskogo Internatsionala)* [Working women of the countries of the East. (Report by Comrade Kasparova at the IV Congress of the Communist International)]. *Kommunistka* [Communist woman]. No. 1–2. Pp. 25–26. (In Russ.)
9. Kasparova, V. (1926) *8-ye marta v stranakh zarubezhnogo Vostoka* [The 8th of March in the countries of the foreign East]. *Kommunistka* [Communist woman]. No. 2. Pp. 22–27 (In Russ.)
10. Shamilov A. (1930) *Kurds of Transcaucasia* [Kurdy Zakavkaz'ya]. *Revolutsiya i kul'tura* [Revolution and culture]. No. 15–16. Pp. 86–89. (In Russ.)
11. n.a. (1979) *Velikiy Oktyabr' i raskreposhcheniye zhenshchin Severnogo Kavkaza i Zakavkaz'ya (1917–1936)* [The Great October Revolution and the emancipation of women in the North Caucasus and Transcaucasia (1917–1936)]. Collection of documents and materials. Moscow: Mysl. (In Russ.)
12. Eyries, J. B. (1840) *Zhivopisnoe putesthestvie po Azii. T. 6.* [Picturesque Journey through Asia. Vol. 6]. Moscow: Tipografiya N. Stepanova. (In Russ.)
13. Yeliseyev A. (1888) *Polozheniye zhenshchiny na Vostoke* [The position of women in the East]. *Severnyy vestnik* [Northern Herald]. No. 8. Pp. 49–88. (In Russ.)
14. Chursin, G. F. (1925) *Azerbaidzhanskiye kurdy* [Azerbaijani Kurds]. *Izvestiya Kavkazskogo Istoriko-Arkeologicheskogo Instituta* [News of the Caucasian Historical-Archaeological Institute]. Vol. III. Pp. 1–6. (In Russ.)
15. Turova-Morozova, L. (1929) *Poyezdka v Armeniyu i Kurdistan letom 1927 g.* [Trip to Armenia and Kurdistan in the summer of 1927]. *Zemledeliye* [Agriculture]. Vol. XXXI. Issue. I. Pp. 55–68. (In Russ.)
16. Pchelina, E. (1932) *Po Kurdistanskomu uyezdu Azerbaydzhana* [In the Kurdistan region of Azerbaijan]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. No. 4. Pp. 108–121. (In Russ.)
17. Halle, F. W. (1938) *Women in the Soviet East*. London: Martin Secker & Warburg Ltd.
18. Mallowan, A. Ch. (2019) *Come, Tell Me How You Live: An Archaeological Memoir*. Bantam Books.
19. Vilchevsky, O. L. (1961) *Kurdy: vvedeniye v etnicheskuyu istoriyu kurdsogo naroda* [Kurds: An Introduction to the Ethnic History of the Kurdish People]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.)

20. Bruinessen, M. van. (2001) *From Adela Khanun to Leyla Zana: Women as Political Leaders in Kurdish History. Women of a Non-State Nation: The Kurds*. Ed. by Shahrzad Mojab. California: Mazda Publishers. Pp. 95–112.

21. Gunter, M. (2014) *Out of Nowhere: The Kurds of Syria in Peace and War*. Hurst. C. Hurst & Co.

22. Bayazidi, M. (1963) *Nravy i obychai kurdov* [Morals and customs of the Kurds]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury. (In Russ.)

23. Avdal, A. (1957) *Byt kurdov Zakavkaz'ya* [Life of the Kurds of Transcaucasia]. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR. (In Russ.)

24. Bayrak, M. (2007) *Osmanlı'da Kürt Kadını*. Ankara: Özge Yayınları. (In Kurd., Turk.)

25. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 17 dekabrya 1926 g.: kratkiye svodki* [All-Union population census December 17, 1926: brief summaries]. Moscow, 1927–1929. Vol. 4. *Narodnost' i rodnoy yazyk naseleniya SSSR* [Nationality and native language of the population of the USSR]. 1928. XXIX. (In Russ.)

26. n.a. (1904) *Materialy dlya opisaniya rusско-turetskoy voyny 1877–1878 g.g. na Kavkazsko-Maloaziatskom teatre s planami* [Materials for describing the Russian-Turkish war of 1877–1878 at the Caucasus-Asia Minor Theater with plans]. Compiled by Lieutenant Colonel Tomkeev. Vol. II. St. Petersburg. (In Russ.)

27. Tansel, A. T. (2001) *Kurtuluş Savaşı'nda Kadın Askerlerimiz*. Cumhuriyet. (In Turk.)

28. Martin, T. (2011) *Imperiya «polozhitel'noi deyatel'nosti». Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

29. Tolz, V. (2013) «*Sobstvennyi Vostok Rossii*». *Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii i rannesovetskii period* [Russia's own Orient: the politics of identity and Oriental studies in the late imperial and early Soviet periods]. St. Petersburg: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

30. Stalin, I. V. (1931) *O natsional'nom voprose i natsional'noy kul'ture* [On the national question and national culture]. *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka* [Culture and writing of the East]. Vol. 7–8. Pp. 5–13. (In Russ.)

31. Chernyaeva, N. (2022) *Voobrazhaya Sovetskii Vostok: narrativy populyarnoi etnografii v serii broshyur «truzhenitsa Vostoka», 1927–1929* [Imagining the Soviet East: Narratives of Popular Ethnography in a Series of Pamphlets, The Female Worker of the East, 1927–1929]. *Etnografiya* [Ethnography]. No. 3 (17). Pp. 149–178. (In Russ.)

32. Shturm, G. (1924) *Blizhaishye zadachi Mezhdunarodnogo Zhenskogo Sekretariata Komintern* [Immediate tasks of the International Women's Secretariat of the Comintern]. *Kommunistka* [Communist woman]. No. 11. Pp. 36–39. (In Russ.)

33. Nyurina, F. (1925) *V Sredney Azii* [In Central Asia]. *Kommunistka* [Communist woman]. No. 4. Pp. 78–83. (In Russ.)

34. Gopner, S. (1926) *Ko “dnyu pechati”* [For “Press Day”]. *Kommunistka* [Communist woman]. No. 4. Pp. 10–15. (In Russ.)

35. Smirnov, N. A. (1927) *The Kurdish woman* [Kurdskaya zhenshchina]. Moscow: Okhrana materinstva i mladenchestva NKZ. (In Russ.)

36. Smirnov N.A. (1928) *Qurd Kadını*. Baki, Azərənər. (In Azer.)

37. Shaverdova S. (1926) *Truzhenitsa Zakavkaz'ya na perevyborakh v soveti* [A worker of Transcaucasia during re-elections to the councils]. *Kommunistka* [Communist woman]. No. 12. Pp. 74–79 (In Russ.)

38. Todria S. (1935) *Vybory sovetov v Zakavkaz'ye* [Council elections in Transcaucasia]. *Revolutsiya i natsional'nosti* [Revolution and nationalities]. No. 2. Pp. 69–70. (In Russ.)

39. n.a. (1938) *Sovetskaya Sibir* [Soviet Siberia]. No. 105 (5537). (In Russ.)

40. Seyfi, M. (1925) *Na pomoshch zhenskim promyslam na Vostoke* [To help women's crafts in the East]. *Kommunistka* [Communist woman]. No. 9. Pp. 75–79. (In Russ.)

41. Stolpnikova, M. I. (1934) *Torzhestvo plodorodiya v svobodnoy Adzharii* [Triumph of fertility in free Adjara]. *Iskusstvo* [Art]. No. 6. Pp.150–153. (In Russ.)

42. Shevchenko, A. V. (1980) *Sbornik materialov* [Collection of materials]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik. (In Russ.)

43. Chatoev Kh.M. (1965) *Kurdy Sovetskoj Armenii: istoricheskiy ocherk, 1920–1940* [Kurds of Soviet Armenia: a historical sketch, 1920–1940]. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR. (In Russ.)

44. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg] (hereinafter – TsGA SPb). F. 4363. Op. 1. D. 973.

45. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 556.

46. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 464.

47. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 372.

48. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 1005.

49. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 1053.

50. TsGA SPb. F. 4363. Op. 1. D. 587.

51. Konak, İ. (2024) Ferik Polatbekov. Hayati ve Şiirleri. İstanbul: Aram yayınları. (in Turk.)

52. n.a. (1924) *Zarya Vostoka* [The dawn of the East]. No. 555.

53. n.a. (1937) *Zarya Vostoka* [The dawn of the East]. No. 282.

54. Shchukin P., Shchukina A. (1927) Ocherki Armyanskogo nagor'ya [Sketches of the Armenian Highlands]. *Zemledeliye* [Agriculture]. Vol. 29. Issue. 1–2. Pp. 5–51. (In Russ.)

55. Bit-Sargiza (1924). *Assirijskaya zhenshchina* [Assyrian woman]. *Zarya Vostoka* [The dawn of the East]. No. 522. P. 4. (In Russ.)

Об авторе

Поведоносцева-Кая Анжелика Олеговна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории стран Ближнего Востока, Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: apovedonostseva@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-6556-3950

About the author

Povedonostseva-Kaya Angelika O., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History of the Middle East, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: apovedonostseva@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-6556-3950

Статья поступила в редакцию 30.04.2024

Одобрена после рецензирования 24.06.2024

Принята к публикации 8.07.2024